

УДК 93(470)(092)

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ (к 150-летию ученого)

В статье предпринимается попытка познакомить читателя с творческим наследием выдающегося русского историка конца XIX – начала XX в., нашим земляком А.С. Лаппо-Данилевским.

Ключевые слова: наука, историография, археография.

У статті робиться спроба познайомити читача з творчим спадком видатного російського історика кінця XIX – початку XX ст., нашим земляком О.С. Лаппо-Данилевським.

Ключові слова: наука, історіографія, археографія.

In the article restricting the science legacy of great russian historian and our countryman O.S. Lappo-Danilevskiy.

Keywords: science, historiography, archeography.

Имя Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863-1919) хорошо известно в науке. Он по праву считается одним из основоположников петербургской – ленинградской школы историков, выдающимся философом и методологом. История, историография, теоретическое источниковедение, дипломатика, археография, социология, философия, история и методология науки – это далеко не полный перечень направлений научной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского, в каждом из которых он достиг столь весомых результатов, что многие из них остаются, по мнению биографов ученого, "непревзойденными и по сей день" [6, с. 107]. Однако за именем в науке стоят книги, а за книгами – конкретный человек, его жизнь и судьба.

Об А.С. Лаппо-Данилевском написано немало. Еще в 1916 г., в связи с двадцатилетием научной деятельности ученики и коллеги издали сборник статей, посвященный его творчеству [3, с. 149]. Однако особый интерес к его наследию и вкладу в науку проявился в первые годы после смерти ученого. В 1920 г. вышел сборник "Памяти академика Лаппо-Данилевского" и в 1922 г. монография его ученика А.Е. Преснякова "Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский". Ученики и коллеги И.М. Гревс,

С.Ф. Ольденбург, Н.И. Кареев, Б.А. Романов, А.И. Веретенников, Л.П. Карсавин, С.Н. Валк, А.И. Андреев, С.Н. Чернов и другие [7, с. 104-105] представили все аспекты его научного творчества, педагогической и общественной деятельности. Они подчеркивали его особый вклад в разработку теоретических вопросов исторического познания.

Советская историография игнорировала заслуги А.С. Лаппо-Данилевского в разработке теоретических проблем. Его неокантианская позиция в подходе к изучению истории считалась ограниченной, свидетельствующей о кризисе либерально-буржуазной историографии в конце XIX – начале XX в. С 1980-х годов в связи с повышенным вниманием к теоретическим и методологическим проблемам увеличился и интерес к творчеству А.С. Лаппо-Данилевского. Среди историков, способствовавших восстановлению объективной оценки наследия ученого, в том числе его теоретических изысканий, были С.О. Шмидт, Л.Н. Хмылев, А.Л. Шапиро.

В 1990-е годы историческая наука признала его заслуги в области разработки методологических проблем и методов исторического познания и многие из его положений стали входить в практику исследовательской работы ученых. Предприняты попытки серьезно обобщить и критически пересмотреть все, что написано о А.С. Лаппо-Данилевском. В качестве примера можно привести "Приложение" к книге А.В. Малинова и С.Н. Погодина "Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ", содержащее "Обзор работ, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому", "Библиографию основных работ об А.С. Лаппо-Данилевском", "Список трудов А.С. Данилевского" [1, с. 236-283] и обстоятельную историографическую статью Е.А. Ростовцева "Наследие А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной науке" [4, с. 99-143]. Названные историографические очерки позволяют получить более отчетливое представление и о А.С. Лаппо-Данилевском, и о том, что сделано для изучения его творчества, но еще и о перспективах дальнейшего исследования как взглядов выдающегося ученого, так и философских и исторических проблем, им затронутых.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский родился 15(27) января 1863 г. в имении Удачное, села Мало-Софиевка Гуляйпольской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской

губернии, в родовитой дворянской семье. Его отец Сергей Александрович Лаппо-Данилевский – гвардии штаб-ротмистр – неоднократно избирался предводителем дворянства Верхнеднепровского уезда. Мать Надежда Федоровна (урожденная Чуйкевич) происходила из старинного малороссийского рода Черниговской губернии и отличалась тонким умом и мягким характером. Благодаря ей будущий ученый получил хорошее домашнее образование, основанное на любви к чтению, иностранным языкам, математике, гуманитарным дисциплинам, в том числе истории. От матери, прекрасной пианистки, он унаследовал музыкальные способности, хорошо играл на фортепьяно, а позже достиг в этом искусстве большого совершенства, был знатоком и серьезным ценителем музыки. Одно время он даже сочинял музыку [3, с. 150-151].

Около двух лет семья Лаппо-Данилевских провела в Швейцарии, а в 1873 г. переехала в Симферополь, где отец будущего ученого получил должность вице-губернатора Таврической губернии. В том же году Александр Сергеевич поступил в первый класс Симферопольской классической гимназии, в стенах которой был лучшим учеником. Уже тогда, по мнению биографов, обнаружились научные интересы и стремления юного гимназиста, которые проявились на занятиях и в так называемых литературных беседах [6, с. 108; 5, с. 99].

В гимназические годы А.С. Лаппо-Данилевский начал заниматься философией. В своей автобиографической заметке он писал, что по популярному труду К. Льюиса "История философии" познакомился с системами О. Конта и Д. Милля, а под влиянием Э. Тейлора, Г. Спенсера и Дж. Грота стал увлекаться первобытной культурой и античным миром [3, с. 151]. В круг его чтения входили произведения Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Монтескье, Вольтера, Канта, Макиавелли, Гизо, Карлейля. Страницы юношеского дневника историка испещрены заметками на латыни, греческом и французском языках, лаконично и точно определяющими его credo в жизни и науке. "Есть два понятия, которые для меня особенно дороги, – писал А.С. Лаппо-Данилевский, – понятие истины и понятие правды. Под истиной я разумею логическую мысль, мысль строгую, бесстрастную, безмятежную, но и безнадежную... Под правдой я

разумею... нравственное чувство, то чувство, благодаря которому каждый из нас радуется чужой радостью, скорбит чужой печалью, то чувство, благодаря которому оно не только рассматривает свою жизнь как субъективное патологическое явление, не только возвышается до объективного ее изучения, но участвует в окружающей его жизни..." [6, с. 108-109].

Отрочество и юность будущего ученого прошли в напряженной духовной работе. Раннее самоопределение в выборе пути, устойчивый круг интересов, в центре которого искание ответов на "вечные" вопросы бытия – таковы характерные черты молодого А.С. Лаппо-Данилевского. Аристократическая среда не оставила в нем никаких барских черт – ни чванства, ни презрительного отношения к народу, ни празднолюбия, культа развлечений, распушенности, легкомыслия. От дворянского воспитания, по воспоминаниям современников, друзей и коллег, остались, пожалуй, некоторая внешняя чопорность, педантическая чистоплотность, корректность и, конечно, хорошее знание иностранных языков, а также знакомство с Европой, огромная тяга к культуре, стремление к образованию [3, с. 151].

В 1882 г. А.С. Лаппо-Данилевский, закончив курс гимназии с золотой медалью, поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет, где проявил себя необыкновенно добросовестным студентом. Успеху в исследованиях по истории способствовал широкий общенаучный кругозор. А.С. Лаппо-Данилевский изучал не только исторические, юридические и экономические науки, но также физику, химию, астрономию. Самостоятельно проштудировал полный курс математического факультета – в его архиве сохранились рукописи по теории вероятности, дифференциальному исчислению [1, с. 17]. А.С. Лаппо-Данилевский поражал своими знаниями не только однокурсников, но и профессоров.

В студенческом научно-литературном обществе он встретил своих единомышленников по науке и общественной деятельности, будущих академиков В.И. Вернадского, С.Ф. Ольденбурга, М.А. Дьяконова и др. Определившийся в университете круг общения оставался фактически неизменным на протяжении всей жизни ученого.

В студенческие годы отчетливо проявилась и его политическая индифферентность. Увлечению революционными идеями, свойственному молодежи 80-х годов XIX в., А.С. Лаппо-Данилевский предпочел участие в студенческом научно-литературном обществе, которое противопоставило научную работу "как карьеризму, так и преждевременному политиканству и революционерству" [3, с. 151].

Конец 1880-х годов стал для А.С. Лаппо-Данилевского периодом напряженного научного творчества и одновременно глубокой рефлексии, связанной с определением им своего места в науке. В письме В.И. Вернадскому он так сформулировал научные цели "трех периодов" жизни: "Первый посвящаю специальности, второй – кругу знаний, однородных с моею специальностью (наукам общественным), третий – знанию вообще. Этим делением я не рассекаю своей умственной жизни на три бессвязные части, а рассматриваю ее как союз трех родов знания, которые со статической точки зрения представляю себе в виде трех концентрических кругов, а с динамической – в виде трех обратных пропорциональных прогрессий" [6, с. 109].

После окончания университета в 1886 г., где А.С. Лаппо-Данилевский учился у крупнейших русских историков К.Н. Бестужева-Рюмина, В.Г. Василевского, В.И. Сергеевича и др., ему предложили остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. Научным руководителем его магистерской диссертации стал Е.Е. Замысловский, любимый исторический период которого – XVII век – был исследован А.С. Лаппо-Данилевским с точки зрения организации прямого обложения населения. Оппоненты А.С. Лаппо-Данилевского на магистерском диспуте 10 мая 1890 г. – известные историки Н.И. Кареев и С.Ф. Платонов – высоко оценили его исследование, опубликованное отдельной книгой под названием "Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований" (СПб., 1980) [6, с. 109]. После успешной защиты молодой преподаватель начал чтение лекций по русской истории в звании приват-доцента в Петербургском университете, а также в Историко-филологическом институте, где он в 1891 г. был избран экстраординарным, а в октябре 1918 г. – сверхштат-профессором Петроградского университета.

Одновременно он преподавал специальный курс по истории первобытной культуры человека в частной гимназии Л.С. Таганцевой [5, с. 100-101].

С середины 90-х годов XIX в. А.С. Лаппо-Данилевский стал читать в университете курсы по теории социальных и исторических наук: "Основные принципы обществоведения", "Систематика социальных явлений разных порядков", "Введение в историю". На семинарских занятиях по этим курсам молодой преподаватель разбирал важнейшие социологические и исторические проблемы, причинно-следственные связи, случайности, ценности и эволюцию. Однако, ведущее место в его преподавании заняли теория и методология исторической науки. С 1894 г. он вел практические занятия по проблемам: "Методы изучения источников и явлений русской истории", "Систематика социальных явлений разных порядков", которые были далекими от обычной учебной работы и требовали повышенной подготовки студентов.

Чтения А.С. Лаппо-Данилевского в 1894-1895 гг. представляли беседы "по основным принципам обществоведения в небольшом кружке сверстников и младших товарищей по факультету". Сложность восприятия этих курсов состояла еще в том, как замечают биографы ученого, что в этот период А.С. Лаппо-Данилевский увлекался символизацией философских, исторических идей и графическим изображением всевозможных процессов. Студенческая аудитория не была готова к восприятию подобных курсов, поэтому часто лекции читались для одного-двух студентов. Первые методологические курсы строились на основе позитивистской методологии, труды О. Конта и Д.С. Милля рекомендовались студентам в качестве основных пособий [2, с. 9]. По каждому вопросу А.С. Лаппо-Данилевский давал обстоятельное введение в виде историко-философского или "систематического" очерка".

С осени 1903 г. А.С. Лаппо-Данилевский начал вести практические занятия по дипломатике, к которой он применил некоторые категории общего источниковедения, тем самым создав русскую школу дипломатики частных актов. Вокруг А.С. Лаппо-Данилевского объединилась группа студентов. Образовался кружок, ставивший своей целью составление каталога напеча-

танных актов от допетровской Руси до начала XVIII века [4, с. 107-108]. Занятия кружка проходили на квартире А.С. Лаппо-Данилевского один раз в неделю. Составление каталога потребовало внимательного анализа каждой разновидности актов. В результате было дано научное определение всех важнейших их видов, что явилось заметным шагом в развитии российской дипломатики. В 1905 г. А.С. Лаппо-Данилевский пришел к выводу о необходимости распределить акты по их разновидностям. Работа над каталогом продолжалась и после смерти ученого. Но, к сожалению, большая часть каталога погибла во время блокады Ленинграда и лишь отрывок его был напечатан в 1936 г. [7, с. 188-189]. Научный кружок и семинары способствовали сближению смежных наук, совместной разработке новых проблем, переходу к созданию исследовательских коллективов, объединенных вокруг научного руководителя и выполняющих совместные исследования.

Как отмечал один из учеников А.С. Лаппо-Данилевского В.И. Веретенников: "Ученики Александра Сергеевича никогда не были рабами его ученой мысли, а всегда были свободными питомцами ее" [3, с. 153]. Лаппо-Данилевский, по воспоминаниям его учеников, не был блестящим лектором, не собирал больших аудиторий. Восприятие его лекций было нелегким делом, но они всегда были в высшей степени содержательными, отличались обилием идей. Перед аудиторией разворачивалась целостная картина научного поиска. Лектор не давал своим слушателям готовых, точных и красиво построенных мыслей-построений, а заставлял студентов совместно с ним их моделировать. Преподавательский дар А.С. Лаппо-Данилевского ярко раскрывался на его семинарских занятиях, на которых студенты учились научно мыслить и правильно излагать свои мысли. "Он говорил, как пишет, заботясь о внутренней стройности, строгости и четкости мысли и всего меньше – об ее внешней красоте" [5, с. 102]. Требования к студентам были у него очень высокие.

Б.Д. Греков описывал знаменитые "пятничные беседы" в доме ученого: "Это был день, когда Александр Сергеевич сидел после своего обеда дома, и когда всякий желающий мог к нему прийти просто ли повидать его или же по какому-либо делу. Тут вы могли встретить и студента, и приехавшего из-за границы

иностранным ученом, и начинающего приват-доцента, и просто любителя-ученого; историки и словесники, и философы все находили в беседе с Александром Сергеевичем решение своих сомнений, отводили здесь душу, потому что все они знали, что почти нет вопроса, над которым бы Александр Сергеевич уже не думал, и где не было бы у него своего мнения" [3, с. 153].

"В университет пришла крупная научно-исследовательская сила" – так А.Е. Пресняков характеризовал деятельность А.С. Лаппо-Данилевского. Но, как отмечают исследователи его творчества, Александр Сергеевич никогда не искал живого общения и личного сближения. Он был склонен к упорному самостоятельному кабинетному труду. Увлечение теоретическими проблемами обществознания и истории ставило его в обособленное положение. Самостоятельность мышления и подчеркнутая аристократическая независимость А.С. Лаппо-Данилевского привели к тому, что по выражению того же А.Е. Преснякова, он казался среди деятелей русской историографии человеком иной культуры и стал вне основных "школьных" направлений в деятельности факультета [2, с. 9].

В 1899 г. в возрасте 36 лет А.С. Лаппо-Данилевский был избран в действительные члены Академии наук в звании адъюнкта, с апреля 1902 г. он становится экстраординарным, а с февраля 1905 г. ординарным академиком [3, с. 152]. Став членом Академии, А.С. Лаппо-Данилевский, прежде всего, подготовил к печати незаконченные труды своего предшественника по историко-филологическому отделению – А.А. Куника. Одновременно он разработал "План издания архивных документов XVI-XVIII веков", непосредственно реализовавшийся после многолетней работы в издании первого тома "Сборника грамот Коллегии экономики", ставшей образцом публикации документов подобного рода [7, с. 171]. А.С. Лаппо-Данилевский по поручению Академии принял самое активное участие в издании сборников "Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси", "Россия и Италия", "Памятники дипломатических и культурных сношений России и Италии", участвовал в подготовке к изданию сочинений, писем и бумаг М.М. Сперанского, а также "Писем и бумаг Петра Великого". Наряду со "Сборником грамот Коллегии экономики" он стал инициатором издания "Памятников старины русского законодательства XVII-XVIII вв." [3, с. 154].

А.С. Лаппо-Данилевскому приходилось много заниматься научно-организационной работой. Его неутомимой деятельности во многом обязано развитие архивного дела в России, подготовка проведения IV Международного исторического съезда в Петербурге, организация многотомного издания "История России" на английском языке и сборника очерков "Русская наука" – на русском и французском языках [6, с. 110]. А.С. Лаппо-Данилевский многократно представлял русскую науку на международных симпозиумах (в 1903, 1908, 1913 гг.), на собраниях Международного союза Академий (в 1910, 1913 гг.). Он был членом Международного Социологического института. После образования в 1916 г. Российского Социологического общества им. М.М. Ковалевского А.С. Лаппо-Данилевский стал его первым председателем. В том же 1916 г. ученый был избран в члены Русского Исторического общества и секретарем состоявшей при обществе особой комиссии по сохранению местных архивных материалов. В 1917 г. он был избран председателем Подкомиссии по предложенному им изданию сборника "Русская наука" [7, с. 208], а в марте того же года стал организатором "Союза архивных деятелей". Союз наметил ряд задач по разработке принципов и методов архивоведения, составил программу издания трудов справочного и научного характера, а также проведения курсов и лекций по теории и практике архивного дела. А.С. Лаппо-Данилевский был председателем межведомственного совещания по вопросу о положении губернских ученых архивных комиссий. В этом качестве он руководил охраной материалов и эвакуацией архивов из Петрограда [3, с. 157].

А.С. Лаппо-Данилевский был далек от непосредственного участия в общественно-политической жизни. Однако 1905 год стал переломным в этом отношении. И.М. Гревс писал, что не терпевший политики Александр Сергеевич тем не менее "считал долгом отдавать дань служению родине и народу... Скрепя сердце, он принял избрание в Государственный совет во время Первой Думы" (1906 г.) в качестве представителя от Академии наук и университетов. Но уже в мае того же года в письме к А.А. Шахматову проскальзывает его пессимизм в отношении своей деятельности в Государственном совете, где, по его мнению, все время уходит на разного рода пустые дебаты [2, с. 12-

13]. Незадолго до закрытия первой сессии Государственного совета (8 июля 1906 г.) он вышел из его состава.

А.С. Лаппо-Данилевский был членом кадетской партии. После Февральской революции 1917 г. он входил в комиссию Ф.Ф. Кокошкина по выработке избирательного закона в Учредительное собрание. По свидетельству И.М. Гревса, Александру Сергеевичу "хотелось поддержать благородный опыт Временного правительства, спасти родину и ее честь, сохранить культуру, организуя свободу" [3, с. 157]. Однако по складу своего характера ученому была чужда политическая деятельность.

"Пролетарскую" революцию 1917 г. А.С. Лаппо-Данилевский категорически не принял, но продолжал активно работать [5, с. 104]. В 1918 г. он участвовал в организации реформы архивного дела, готовил проект закона об охране памятников старины и искусства, выступил с предложением основать институт социологии, оставаясь при этом членом многих научных обществ, комиссий, союзов, организаций. Напряженный труд, голод и лишения подорвали здоровье ученого. В начале 1919 г. он перенес серьезную операцию, благодаря которой должно было бы наступить выздоровление. Академик С.Ф. Ольденбург сообщал В.И. Вернадскому в Киев: "Я надеялся до последней минуты, а за три дня до смерти мы все (и врачи) думали, что он уже поправился. Гной попал в спинной мозг и уже все было потеряно". А.С. Лаппо-Данилевский скончался 7 февраля 1919 г. "Сколько осталось у него начатого и недоделанного, что кроме него никто не сможет доделать, — продолжал в том же письме С.Ф. Ольденбург. — Что возможно, над тем поработают ученики, которые трогательно относились к нему во время болезни, относятся и теперь" [6, с. 110].

Обобщая, можно сказать, что для одних ученых наука — профессиональное занятие, для других — возвышенное удовольствие и для очень немногих — вся жизнь. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский принадлежал к числу последних. Он жил для науки и в науке искал и находил смысл своей жизни. Его научное наследие как в области изучения истории, так и в области исследования философских проблем изучено и оценено еще далеко не полностью, и, следовательно, его имя еще не открыто до конца.

Список использованных источников и литературы

1. Малинов А.В. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ / Алексей Валерьевич Малинов, Сергей Николаевич Погодин. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2001.
2. Погодин С.Н. Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: Вступ. статья / Сергей Николаевич Погодин, Алексей Валерьевич Малинов // Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. – СПб.: Изд-во "Северная звезда", 2007. – С. 7-29.
3. Погодин С.Н. Творческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского / Сергей Николаевич Погодин // Вопросы истории. – 2002. – № 5. – С. 149-160.
4. Ростовцев Е.А. Наследие А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной науке / Евгений Анатольевич Ростовцев // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: Изд-во "Северная звезда", 2003. – С. 99-142.
5. Рум'янцева М.Ф. Олександр Сергійович Лаппо-Данилевський / Марина Федорівна Рум'янцева // На землі, на рідній... Легенди та перекази Криворіжжя: Антологія / упоряд. Г. Гусейнов. - Дніпропетровськ: Арт-Прес, 2011. – Кн. 6. – С. 99-117.
6. Сорокина М.Ю. Академик А.С. Лаппо-Данилевский и его "История политических идей в России XVIII века в связи с общим ходом развития ее культуры и политики" / Мария Юрьевна Сорокина // Вестник Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). – 2003. – № 3. – С. 106-117.
7. Чирков С.В. А.С. Лаппо-Данилевский – археограф / С.В. Чирков // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: Изд-во "Северная звезда", 2003. – С. 160-204.

ЯШИН В.О.,
кандидат історичних наук,
старший викладач

УДК 929:(=411.16)«1850/1905»

ПРОСОПОГРАФІЧНІ ТА БІОГРАФІЧНІ НОТАТКИ ДО ІСТОРІЇ ПІВДЕННОУКРАЇНСЬКОГО ЄВРЕЙСТВА (II пол. XIX – поч. XX ст.)

У цій статті робиться спроба підійти до постановки питання стосовно можливості проведення джерелознавчих досліджень у сфері біографістики та просопографії стосовно апологетів, ідеологів, фінансових донорів та провідників модернізаційних процесів у середовищі південноукраїнського єврейства у другій половині XIX – на початку XX століття.

Ключові слова: просопографія, біографістика, євреї, південна Україна.

В этой статье делается попытка подойти к постановке вопроса о возможности проведения источниковедческих исследований в сфере биографистики и просопографии относительно апологетов, идеологов, финансовых доноров и лидеров модернизационных процессов в среде южноукраинского еврейства во второй половине XIX – начале XX столетия.

Ключевые слова: просопография, биографистика, евреи, южная Украина

The article is devoted to considering of possibility of problem of researches in the field of biography and prosopography as to apologists, ideologists of financial donors and leaders of south Ukrainian Jews at second half of XIX and beginning XX century.

Keywords: prosopography, biography, jews, South Ukraine

Терміни «просопографія» та «просопографічний метод» були практично запроваджені в історичній науці в XIX ст. на означення способу, «за допомогою якого досліджувалися особи і соціальні групи, створювалися колективні біографії» [1, с. 424]. Незважаючи на такий довгий час існування просопографії, ще й